

статті перешкодою культурному розвитку людей, котрі втрачають здатність мислити. Беззастережна довіра до інтелектуальних машин позбавляє нас претензії і шансу на самостійне пізнання, у чому й полягає одна з найбільш руйнівних небезпек для інтелектуальності та людської ідентичності загалом.

Список використаної літератури

1. Бакулев Г. П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции : учеб. пособие для студ. вузов [Текст] / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
2. Бахтин М. М.: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры / сост. и коммент. К. Г. Исупова ; библиогр. О. Ю. Осьмухиной, Т. Г. Юрченко, О. Е. Осовского, Н. Б. Панковой. – СПб. : РХГИ, 2002. – 712 с.
3. Беляев И. Спектакль документов. Откровения телевидения [Текст] / И. Беляев. – М. : Гелеос, 2005. – 169 с.
4. Казаков М. ТВ – утонченное чудовище [Текст] / М. Казаков, Р. Борецкий // Осторожно, телевидение. – М. : [б. и.], 1992. – 239 с.
5. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : [б. и.], 2000. – 387 с.
6. Михалкович В. О сущности телевидения [Текст] / В. Михалкович. – М. : Изд-во ИПК работников ТВ и РВ, 1998. – 49 с.
7. Плотников С. Н. Чтение и экология культуры [Текст] / С. Н. Плотников // Homo legens. Памяти С. Н. Плотникова. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 64–75.
8. Прозоров В. Власть и свобода журналистики [Текст] / В. Прозоров. – М. : Флинта, 2005. – С. 117–120.
9. Тоффлер Э. Метаморфозы власти : [пер. с англ.] [Текст] / Э. Тоффлер – М. : ООО «Изд-во “АСТ”», 2004. – 669 с.
10. Цвик В. Основы журналистского мастерства [Текст] / В. Цвик. – М. : МГУ, 2004. – С. 24.
11. Челишева І. Зародження російської медіаосвіти [Текст] / І. Челишева // Медіа-освіта як частина громадянської освіти : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (6 верес. 2002 р.). – Львів : [б. в.], 2002. – С. 36–37.
12. Шпанер Л. Інтернетоголіки... (Хто вони?) [Текст] / Л. Шпанер // Медіа-освіта як частина громадянської освіти : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (6 верес. 2002 р.). – Львів : [б. в.], 2002. – С. 37.
13. Яковлев Е. Эстетика : учеб. пособие [Текст] / Е. Яковлев. – М. : Гардарики, 2002. – 230 с.

Статтю подано до редколегії
24.09.2012 р.

УДК 14

И. В. Юрова – аспирант Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Бытие человеческой самости как воспроизводство культуры сознанием индивида: фактор внушения

*Работа выполнена на кафедре философии
РГПУ им. А. И. Герцена*

В статье уточняется определение понятия «самость» и рассматривается его связь с воспроизводством культуры, опосредованной внушением.

Ключевые слова: внушение, культура, самость, сознание, бессознательное, Эго, личность.

Юрова І. В. Буття людської самості як репродукція культури свідомістю індивіда: фактор сугестії.

У статті уточнено визначення поняття «самість» і розглянуто його зв'язок із сугестивно опосередкованою репродукцією культури.

Ключові слова: сугестія, культура, самість, свідомість, несвідоме, Его, особистість.

© Юрова І. В., 2012

Iurova I. V. Being of Human Self as Reproduction of Culture by Individual Consciousness: the Factor of Suggestion. In the article the author specifies the conception of self and considers its connection with the reproduction of culture, mediated by suggestion.

Key words: suggestion, culture, self, consciousness, unconscious, Ego, personality.

Постановка научной проблемы и ее значение. Понятие «самость» – одно из самых сложных в современной философии, так как его содержание постоянно ускользает от попыток четких определений. Трудности характеризуются тем, что в непосредственных границах существования того или иного организма самость динамична. Таким образом, определение самости осложнено задачей установления четких ее границ, что проблематично в силу самой природы живого и, в частности, его устойчивого стремления к освоению действительности.

Анализ последних исследований. Начнем с одной из главных проблем нашего рассмотрения – проблемы понимания самости в современной философии: ряд исследователей включает Эго в определение самости и даже отождествляет эти понятия, другие – исключают и противопоставляют Эго самости. Самость чаще всего интерпретируют как «предшествующее сознанию», его основа. «Без относительно высокоуровневого *перцептивного распознавания себя* нет и не может быть никакого сознания» [3, 95]. А. Ю. Антоновский отмечает, что конструирование самости в смысле Д. Деннета основано на различении себя и мира: как желудок не переваривает собственные стенки, различая свое от чужого, так и животное не поедает себя, различая мир и себя и конструируя тем самым минимальную самость [1]. Следуя сциентистской традиции, радикальный конструктивизм представил сознание как функцию генов. Но современное понимание истоков человеческой самости намного шире, чем просто обнаружение границ своего бытия в целях самосохранения, так как признает экспансию самого содержания человеческой экзистенции. Впрочем с позиций Р. Докинза в этом трудно усмотреть противоречие, так как он объясняет явления альтруизма эгоизмом генов. Иными словами, намерения человеческого и генов (или мемов) в его трактовке совпадают. На его взглядах основывается и Д. Деннет. Отметим лишь тот факт, описывающий самость как духовное, а не только биологическое или чисто психологическое, что сохранность человеческого становится важнее сохранности жизни; человеческое и жизнь отождествляются. Кроме того, самоопределение не исходит из четкого и начального осознания своих границ. Так, например, детско-родительское «Мы» в онтогенезе предшествует выделению детского «Я», связанного с кризисом трех-четырёх лет. В этот кризисный период ребенок начинает выделять свое Эго (например, требовать «Я сам!», т. е. проявлять инициативу и самостоятельность) и отличать его от еще сохраняющегося детско-родительского «Мы» («Мы покушали», «Мы заболели»), в то время как процесс касался только ребенка и т. д. И даже границы организма для биологических систем не всегда очевидны, о чем свидетельствуют аутоиммунные заболевания и сама возможность трансплантации органов. Самости на всех уровнях свойственны гибкость и проницаемость границ. Эти ее качества подобны качествам живой клетки, которая также обладает самостью, позволяющей ей функционировать в среде организма и регулировать свою жизнедеятельность. При этом, как и все живое, самость на всех уровнях обладает проницаемостью для разного рода агентов: как живая клетка атакуется вирусами, так и психика человека в процессе социализации вбирает в себя извне различные паттерны. Это и делает возможным внушение в различных формах: импринтинг, психическое заражение, гипноз, манипулятивное внушение, самовнушение и т. д. Динамизм самости и отсутствие постоянной заданности ее границ – главные условия ее проницаемости для Иного.

Определение самости до сих пор вызывает споры по поводу содержания категории. Д. А. Зубова [6] видит главное отличие человеческой самости от субъектности в том, что первая отражает сферу бессознательного, а вторая – сознательную часть психики человека. Тем не менее, под «бессознательной» самостью понимают центр интеграции, ответственный за уравнивание и объединение всех уровней развития человека. Как мы видим, такое понимание не включает Эго-сознание в понятие «самость». И. А. Бескова [3] называет самостью «я как целое», в то время как для бессознательных структур психики отличие индивида от остального мира не столь очевидно. Например, внутренняя среда организма может восприниматься человеком как «не вполне я», не говоря уже о таких состояниях, когда тело «не слушается».

О. Н. Герман [4] полагает, что самость есть «предельное основание всех бытийственных форм, данных в сознании, это чистое само сущее в его уникальности и неповторимости, активно оформля-

ющееся под влиянием внешней данности». Эта точка зрения сужает определение самости до самосознания. О. И. Жукова, называя самость квинтэссенцией человека, рассматривает ее как способность человека интериоризировать, усваивать в креативной и универсальной форме социокультурный опыт, являющийся основанием его самореализации в обществе [5]. Она же выделяет две формы идентичности самости: феноменальную (сопричастную социокультурным параметрам) и аутентичную (независящую от социокультурного контекста), отдельность каждого человека как таковую. Точку зрения Жуковой можно назвать наиболее всеохватывающей.

Выделяя человеческую самость, мы подразумеваем под этим понятием не просто осведомленность индивида о наличии границ между ним и средой, но и самостоятельную личностную самоопределяемость. Индивид в процессе социализации оформляется как носитель культуры и человечности в широком смысле этого слова, то есть фактически имеет возможность обретения и развития своей самости, возможность активной трансформации своей личности.

Цель статьи. В данной статье мы предлагаем поставить вопрос о проницаемости границ самости, потому что говорить о ней, как о некоей всецело закрытой структуре, невозможно. Как мы увидим далее, один из механизмов коррекции и самокоррекции самости – внушение. С его помощью самость стремится достичь большей цельности, используя свою проницаемость, и этим мы объясняем эффективность внушения в социальных практиках.

Изложение основного материала и обоснование результатов исследования. В различных направлениях современной философии отсутствует единство не только в понимании самости, но и в признании ее как таковой. В философии постмодерна мы наблюдаем отказ от самости вообще как от центра собственной проявленности, приводящем к невозможности создания целостной картины мира [8]. Сомнение в постановке вопроса о целостности человека является основанием постмодернистских дискурсов о «смерти автора», «смерти субъекта», «смерти человека». В рамках данного подхода (Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж. Лакан, М. Фуко и др.) подчеркивается наличие множественных образов собственного «я» – когда человек живет словно бы в разных, внутренне несогласованных реальностях, в которых образы его «я» практически никак не связаны друг с другом.

Психоаналитическая традиция (К. Г. Юнг и его последователи) усматривает в самости полнотой скрытый от сознания центр суммативной психической энергии, который сравним с энергетическим полем, удерживающим Эго от распада. С таким взглядом на самость не согласны экзистенциалисты. В частности, у М. Хайдеггера самость определяется тем, что о ней может быть сказано «Я». У него она делится на личную самость, совестливую и безличную, т. е. повседневное Эго, подчиненное *Das Man*. Хайдеггер и П. Рикер видят в понимании человека себя способ его бытия. Оно неразрывно связано с бытием-с-Иным, поэтому уловить самость, примиряющую Эго с миром долга, ответственности и зависимости от ограничений культурой, довольно сложно.

В отличие от экзистенциализма, философская антропология (М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер и др.) рассматривает самость как динамическую сущность человека, выражающуюся в незавершенности, недостаточности, постоянной нехватке самой себя, что толкает личность к саморазвитию, к самопоиску. Таким образом, самость присутствует в своем постоянном ускользании. И это вполне логичное замечание, если принять постулат, что самость есть более, чем Эго. Пытаясь собрать сознанием воедино свою самость, мы непременно упираемся в границы собственного Эго.

Вероятно, вся сложность определения самости – это демаркация некоего целого, в которое могут включаться как рациональные (сознание), так и иррациональные компоненты (бессознательное); как всецело принадлежащие человеку, так и интенционные (среда, культура). Именно последние создают напряжение в понимании самости, ведь в ней таким способом присутствует то, что ей изначально не может быть присуще, – извне присвоенное бытие, на основе которого мы строим самоотношения, задавая себе вопрос «Кто я?». И на этот вопрос мы каждый раз можем отвечать по-разному: динамизм, ускользание и нехватка самой себя, размытие Эго в социокультурном измерении вынуждают человека к постоянному стремлению обновлять свои границы. Если мы захотим выделить самость глаза, то будет ли верным очертить его границы только глазным яблоком, или же к нему должен относиться зрительный нерв, зрительный отдел головного мозга? Кроме того, глаз нуждается в кровотоке и в соответствующей дислокации внутри черепа и т. д. Без этого он утрачивает не только свою функциональность, он умирает, т. е. утрачивает и свое бытие. Такая ограниченность последовательной бесконечностью свидетельствует о том, что попытки уловить

самость функционально на самом последнем рубеже практически недостижимы. И тем не менее, границы нашей самости существуют, чаще всего не позволяя человеку обманываться в том, что он тот, кем был вчера, и соотносить себя со своим именем и многочисленными социальными ролями. Таким образом, она подобна следу на воде, четко обозначенному расходящимися кругами, но тем не менее, достигающему колебаниями самой кромки водоема – границ сущности.

Самость существует и сохраняет себя в активной по отношению к ней среде. Это означает, что ее границы как 1) сливаются (родительское «Мы»), так и 2) дробятся («множественная личность»). Фактически биологические и психические границы не совпадают.

1. В созависимой паре мы можем наблюдать, как решается задача синхронизации членов семьи: один играет роль жертвы, другой – спасителя. Вместе они действуют как целое. Такое положение вещей, очевидно, имеет в виду и Б. Хеллингер [9], демонстрируя свой терапевтический метод семейных расстановок: он отталкивается от принципа синхронизации всех поколений семьи, т. е. созависимости членов всего рода и даже социума. Согласно его позиции, мы бессознательно отрабатываем сценарии, прописываемые нам прошлым опытом той общности, к которой мы принадлежим («сверх-самость»). Аналогично рассуждают и исследователи менталитета или психологии этноса: сколь бы уникальным ни являлся бы индивид, он вписан в определенный фон социальных взаимосвязей, вне которых его самость рушится. Наглядно это демонстрируют исследования, посвященные психологии примитивных племен, где нарушение табу и изгнание равносильно смертельному приговору. Прочные социально-суггестивные связи вписаны в контекст самой личности, как гарант ее присутствия в бытии. Однако для личности весь ее контекст остается неизвестен (вспомним о кругах на воде), и это оправдывает вопрошание человека о себе самом («Тварь ли я дрожащая, или право имею?») и т. п.

2. Множественная личность, описанная Дж. Хиллманом [10], предстает в виде субличностей (или – парциальных личностей), каждая из которых имеет свой центр, свою самость («суб-самость»). Этот «клеточный» уровень каждой личности создает дополнительное поле для различного рода внутренней активности (игра, мечта, творчество, сон и т. п.). Но в ряде случаев, в результате психической травмы или расстройства психики, парциальная личность замещает Эго, что сравнимо на биологическом уровне с опухолевым ростом. Мы уже упомянули о том, что внушение синхронизирует созависимые пары, – на уровне отдельной личности оно синхронизирует суб-личности и паттерны, придавая их динамике одну направленность и создавая тем самым целостность, легко встраиваемую в поведение. Иными словами, адаптивный механизм внушения состоит в энергетизации парциальных личностей и установок таким образом, чтобы они выступали как целое. Допустим, мы внушаем ребенку определенный образ действий, который он, как мы рассчитываем, применит к себе. Для этого мы можем сказать: «Хорошие мальчики / девочки так не поступают...». Образ «хорошего» будет дополнен в сознании ребенка определенным паттерном действий. Эти два параметра станут синхронизированными. Возникнет определенный образ действий, исходящий из конкретизации самоотношения «Я – хороший тогда, когда не поступаю так...».

Внушение (и как самовнушение, и как манипулятивное внушение или гипноз) всегда направлено на синхронизацию личности (его опыта или образа Я) с определенным информационным и энергетическим посылом (мандала, ситуация успеха, визуализация прошлого и т. д.). Так как личность встроена в разнородный контекст социальной, биологической и физической действительности, то найти себя как целое при проницаемости своих границ и быть совершенно свободным от влияний для нее невозможно. Для границ самости всегда есть угроза, заставляющая личность тратить энергию на свою саморегуляцию, на иммунитет, защищающий от сторонних влияний. Внушение апеллирует к личности именно как к целому, проходя сквозь границы самости, т. е. к самоотношению. Контрсуггестивная реакция – напротив, свидетельствует об упрочившейся границе для этого влияния. Это происходит потому, что сделать целое еще более целым невозможно: т. е. можно войти только туда, где нет забора или стены, где не охвачена целостность. Повышенной внушаемости противопоставляется собранность и самообладание, что в сущности является аналогией удержания границ своей психической самости.

Содержание внушения заполняет собой различные виды дефицитарности (дефицит времени, дефицит информации), т. е. разного рода неполноту. Таким образом, внушение воздействует на неполноту самости, на ее энергетическое равновесие. «Важнейшее свойство суггестии – интериори-

зация. Под интериоризацией мы будем понимать усвоение некоего материала (это могут быть цели деятельности, программы и алгоритмы; а у современных людей это могут быть ценности, представления о морали) без знания о том, что источник этого материала был внешний» [7]. Если, например, взять во внимание религиозную веру, то суггестивной опорой религиозной личности оказывается Бог. Жизнь в Боге отражает полноту религиозного существования, охватывая самость религиозной личности и удерживая ее в границах веры. Кризис веры – серьезное испытание, так как, потерявший веру, теряет и свои прежние границы. В религиозном понимании такой человек – легкая добыча для лукавого. Кризис веры в родителей мы видим и у детей, которые обнаруживают свою самость в границах семьи. Осваивая культурные ценности и традиции, ребенок быстро расширяет границы своей самости, одновременно становясь проницаемым для большего количества агентов. Расширяя границы своей самости, он перестраивает ее, поэтому занят постоянным само-обретением.

Психотерапия работает с пострадавшими границами самости, с утратой полноты бытия в уже сформированных границах и направлена на синхронизацию личности, т. е. на воссоздание его соответствия самому себе. Внушение действенно там, где самости не хватает самой себя, т. е. в воспитании, обучении и терапии. Это иллюстрирует и расхожая формулировка «поиск себя в чем-либо». Выискивая себя в новых культурных пространствах, человек предполагает укрепить в них границы своей самости, т. е. стать в них более самостоятельным, чтобы быть более самостоятельным в бытии-вообще.

Острое переживание неполноты человеческого существования задает общий базовый суггестивный фон для нашей цивилизации и поисковый характер культуры в целом. Этот поисковый характер связан с постоянным обнаружением и накоплением самоотношений – маркеров, определяющих самость. «Познай самого себя» – закономерный отклик на запрос о постоянно расширяющихся границах реструктурирующейся самости.

Культура направлена на консервацию самоотношений в тех случаях, когда нет субъекта этого отношения, а есть только объект – вбирающее отношения Эго. Например, некоторые могут относить себя спустя тысячи лет после смерти Христа к христианам и быть суггестированными христианскими идеалами. Сохранение самоотношений является базовым элементом для многих традиций: религиозных, семейных, профессиональных, научных. И как мы уже упоминали, апелляция внушения к целому достраивает желаемое – самоотношение. Этим обусловливается эффект от рекламы: образ успешного, заботливого или любящего дополняется соответствующими приобретениями, качествами и поступками. Образ конкретизируется, удостоверяя то самоотношение, которое личность имеет или желает иметь.

Почему же для личности так важно самоотношение? Фактически, обнаружение в себе Эго, выделенного из общей самости центрального агента, требует от человека появления и постоянного присутствия цензора или наблюдателя в себе, Иного в отношении к себе, собирающего всё то, что не вошло в центральный агент. Отношение Иного в себе к своему Я есть необходимое условие удержания «оставшейся» от Эго самости и сущностных границ, потому что выделение себя из окружающего мира сразу ставит вопрос «Кто я (для остального мира)?», разделяя бытие самости и бытие Иного. Культ как поклонение Богу, или тотему, или духу предка, знаменующее начало культуры, необходим, как мы считаем, для удержания хрупкого Эго в отношении к только что распознанному Иному. Эго, утрачивая отношение к себе со стороны людей, постепенно выбывающих из бытия – умерших предков или вождя, соплеменников и даже выросших детей, рискует распасться. Культ, как и культура в целом, удерживает личность от распада, организуя коллективную память, сохраняющую агентов для самоотношений. Иными словами, мы остаемся дочерьми и сыновьями и после утраты родителей, также мы помним свою этническую и религиозную принадлежность, пребывая в чужую страну с другими обычаями и верованиями. Консервация самоотношений в коллективной памяти – механизм культуры, который позволяет нам оставаться собой, т. е. укрепляет границы нашей самости. Будучи ресурсом самости, культура остается суггестивным контекстом, из которого черпаются сведения о том, кто такой человек и как должен относиться к себе и другим, кого должен считать своим, а кого – чужим. Древний человек, нарушивший табу и отлученный от культа и племени, не имел больше фактических ресурсов для своей самости, он утрачивал себя – имя, семью, принадлежность к общине. Не в его силах было сделать так, как

Робинзон: взяти с собою культурний контекст, зробивши його людиною, і воспроизвести його вне соціума однією тільки імітацією спілкування.

Таким чином, культура грає роль постійного ресурсу для самої. З цього ресурсу черпаються самоідношення (приналежність нації, раси, релігії, культурної групі, общині і т. д.), які суггестивно підтримують Еґо і содействують психічеської організації, упорядоченності, постійно оновлюючи зміст Еґо к більшій цілності. Зв'язок внутрішнього з самою проявляється в процесі усвоєння Еґо не тільки культурного контексту, але і в утриманні самоідношення, т. е. інтеріоризації відношень к собі Іного.

Ще однією непростою проблемою є знаходження самої в гіпнозі. Ми говорили про те, наскільки важливі паттерни, самоідношення, прагнення к цілності. В гіпнозі ми спостерігаємо, як несвідоме однієї людини (сугґеренда) підкорено Еґо другої (сугґестора-гіпнотерапевта). Фактично двоє з допомогою вербальних команд, зрозумілих в контексті обоїм, імітують одну єдину самою. І тут ми теж бачимо цінність такого ресурсу, як культура, так як коїм людина, будучи під гіпнозом, не стане виконувати команд, їй незрозумілих. Контекст для самої двоїх має бути єдиним. І це родить ситуацію гіпнотичеського внутрішнього з розглядаємими раніше стозависимими відношеннями, тому що ми спостерігаємо і там притязання однієї самої на включення в себе другої.

Висновки. Ітак, ми бегло розглянули деякі аспекти проблеми утримання меж самої і внутрішнього. Самою людини немислима без її самоідношень, які вона черпає з ресурсів культури. Любая дефіцитарність і, в частині, нецільність самоідношення, робить самою проникливою для зовнішніх агентів, т. е. для внутрішнього. І навіть самовнутрішнє ми маємо розглядати як прагнення подолати цю дефіцитарність, інакше було б безсмысленно застосовувати її к собі. Культура, представляючи собою, в історичеському і соціальному змістє, грандіозний котлован для невичерпаємого питання «Хто я?», виробляє істинно людське існує в коїм, не гарантуючи при цьому цілності і конкретності меж особистості. Постійно оновлюєма пошук нових самоідношень, вона пропонує їх в множині контекстів.

Список использованной литературы

1. Антоновский А. Ю. «О радикальности конструктивизма» – выступление на круглом столе в редакции журнала «Вопросы философии» / А. Ю. Антоновский // *Вопр. философии.* – 2008. – № 3. – С. 3–35.
2. Бескова И. А. Эго-сознание как поверхностная структура / И. А. Бескова // *Философия науки.* – Вып. 12 : Феномен сознания. – М. : ИФ РАН, 2006. – С. 71–91.
3. Бескова И. А. Феномен сознания / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
4. Герман О. Н. Самость как предмет философского анализа : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 «Онтология и теория познания» / О. Н. Герман ; Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники. – Томск, 2005. – 112 с.
5. Жукова О. И. Раскол самости человека в философии постмодерна / О. И. Жукова // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та.* – 2008. – № 1 (33). – С. 87–95.
6. Зубова Д. А. Феномен субъектности в пространстве современной философской рефлексии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 «Онтология и теория познания» / Д. А. Зубова ; Южный Федеральный ун-т. – Ростов н/Д, 2011. – 22 с.
7. Косилова Е. В. От суггестии к сознанию [Электронный ресурс] / Е. В. Косилова ; Виртуальный филос. центр при филос. ф-те МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – Режим доступа : http://vfc.org.ru/rus/personalsites/kosilova/scientia/Werke/reflexio_logic.php
8. Нестерова М. В. Неклассическая онтология французского постмодернизма: концепция Жака Деррида : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 «История философии» / М. В. Нестерова ; Дальневосточ. гос. ун-т путей сообщения. – Хабаровск, 2006. – 181 с.
9. Хеллингер Б. И в середине тебе станет легко: Книга для тех, кто хочет найти гармонию в отношениях, любви и стать счастливым / Б. Хеллингер. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. – 204 с.
10. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел / Дж. Хиллман. – М. : Б.С.К., 1997. – 157 с.

Статья сдана в редколлегию
16.08.2012 г.